

Моше Гаммер

ЭЛЕМЕНТЫ ДЕМОКРАТИИ В ДАГЕСТАНЕ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ*

Десятая декада XX столетия ознаменовалась драматическими событиями: конец «холодной войны», распад «Восточного блока», либерализация и демократизация общества в Советском Союзе в конце 80-х гг. а затем, отстранение КПСС от руководства и распад СССР в 1991 г.¹ Все это было воспринято как победа Запада и его ценностей, что породило огромный энтузиазм в странах бывшего советского блока в достижении «демократии» и рыночной экономики. Что касается Запада, этот энтузиазм очень часто сопровождался усердием и нетерпеливостью миссионеров, что можно назвать «синдромом незамедлительных результатов», столь характерного для нашего времени². Это означало, что отдельные лица и организации поддерживали или продвигали модель «демократии», практикуемой в их собственных странах, и очень скоро разочаровались из-за отсутствия немедленных результатов. Однако слепое копирование демократических институтов и ценностей и их насаждение сверху повсеместно привели к провалу проведения «демократий» во всех странах, которые известны как страны «второго» и «третьего» мира³.

Причина в том, что не учли два важных факта.

1. Понятия «демократия» и «демократическое» постоянно меняются. Наша интерпретация понятия американской демократии отличается от понятия «демократии» начала XX в. (не говоря об Афинах V в. до н.э.). Более того, существует огромное разнообразие понимания и практики «демократий» в различных странах в отдельно взятый, конкретный исторический период. Достаточно упомянуть различия моделей демократий в США, Великобритании и в Швейцарии.

2. Во всех этих странах «демократическая» форма выросла и развивалась снизу и в течение длительного времени. Следовательно, «демократия». В них опирается на глубокие корни социальной, культурной жизни и ценностей этих стран. Здесь фактически и заключается причина такого широкого варьирования понятия «демократий». Таким образом, для становления «демократий» на базе корней в своем обществе требуется время. Еще более важно, чтобы «демократии»

* Печатается по: Moshe Gammer, «Elements of Democracy in Daghsetan on the Eve of the Russian Conquest», in Yaacov Ro'i (ed), Democracy and Pluralism in Muslim Eurasia, London: Frank Cass, 2004, pp. 31–37 / Перевод с английского проф. М.А. Агларова.

¹ Я имею другую точку зрения на причины распада СССР. Это было следствием борьбы Ельцина с Горбачевым.

² Ни у кого, кажется, нет терпения ждать, пока фрукт созреет и что таким образом все должно получить немедленные результаты или быть мгновенно готовым – от растворимого кофе и фаст-фуд к незамедлительным прибылям в бизнесе, незамедлительного эффекта в политике и быстрых результатов в науке.

³ Турция и Япония должны считаться исключением, будучи случаями успешного введения восточного стиля демократии в целом.

опирались на ряд аутентичных характеристик элементах или ценностях, сопоставимых с ней. В любом обзоре политических образований прошлого и настоящего обнаружатся несколько характеристик общих для всех форм «демократий». Среди этих характеристик можно упомянуть (без особой очередности):

1. *Солидарность* – все члены остро чувствуют свою принадлежность к политике, и идентифицируют себя с ней, как ее часть. Это не исключает внутреннюю (взаимную) лояльность и различия, но превыше всего – лояльность политике.

2. *Равенство* – каждый член сообщества равен политически и перед законом и каждый имеет равный вес.

3. *Верховенство закона* – все члены находятся в границах закона и никто над ним.

4. *Ограничение власти управления*. Власти руководствуются законами и волей членов политики.

5. *Выборы правителя* – члены политики выбирают руководителя из своей среды.

В действительности указанные характеристики не обязательно свойственны только одним демократическим устройствам. Они также могут иметь место и при других системах управления. Но «настоящие демократии» без них не возможны. Вышеупомянутые или другие элементы «демократии» можно найти во множестве традиционных обществ до их неожиданного соприкосновения с модернизацией. Такие элементы были присущи странам, которые входили в Советский Союз (а также в других частях мира), и чтобы уйти от трудностей «демократизации» западного образца, их лидеры, еще перед тем как Запад стал таким, утверждая, что их страны по существу были «демократичными», называли свои режимы возвращением к их «оригинальным демократиям».

Кавказ не исключение. Когда Россия впервые соприкоснулась с этой частью мира, она натолкнулась на огромное число обществ с различными экологическими, социальными и политическими структурами. Особенно выделялись группы обществ в Чечне и во внутренней, нагорной частях Дагестана, что привлекало особое внимание российских обозревателей и официальных лиц. Причиной было то, что здесь были представлены общины, отличающиеся от тех, что были в России, двумя особенностями:

1 – это были политические образования, ставшие в России известны как «вольные общества», которые не признавали управления из вне;

2 – большая часть «вольных обществ» не имела феодалов и состояла из свободных и равных по правам между собой членов–*узденей*.

Под впечатлением этих характеристик российские обозреватели и ученые называют эти общества «свободными республиками» и «демократиями». В последующей советской историографии – «прогрессивными» и даже «прото-социалистическими, что подхватили постсоветские чеченские и дагестанские писатели и ученые, которые использовали эти представления для доказательств, что их общества были демократическими (Один из многих примеров см.: *Османов Лемм*, 1997. С. 60–65), давным-давно. Действительно, до их завоевания Россией Дагестан и Чечня делились примерно на сто сельских обществ (или *общины* по-русски). В Дагестане они в разных языках назывались по-разному, в целом же они известны под арабским термином *джамаат* (их наилучшее исследование дано:

Агларов М., 1988. В кратком изложении см.: *Zelkina Anna*, 2000. P. 14–20).

Размеры обществ зависели от особенностей топографии и экологии мест их расселения. Например, в альпийской части поселения были мелкими, один **джамаат** мог состоять из многих мелких, например, 27 поселений. Таким был джамаат Таш входивший в Антль-Ратль (буквально – семь земель), которые все вместе составляли около 1200 домовладений. Большие же поселения – от 100 до 1000 домовладений (это была основная форма локации и социального объединения) – делились на кварталы (*магал*, *авал*), мелкие и средние – на «стороны» (*рахь*). В отдельных случаях, их немного, **джамаат** состоял из только одного, но крупного селения. Это Кубачи, Ботлих, Годобери, Гинди, Арчиб.

Каждый **джамаат** был самоуправляем и представлял собой отдельную политику. Подразделения джамаата – кварталы или составляющие его отдельные мелкие селения имели свою администрацию, но не имели статуса отдельной политической единицы. Объединившись с несколькими такими же мелкими поселениями (в Альпийском Дагестане), они составляли один джамаат. В свою очередь, джамааты объединялись в более обширные федерации как, например, Антль-Ратль. Основная модель, характерная для нагорного Дагестана, состояла из крупных поселений, каждое из которых являлось отдельным **джамаатом**, которые в союзе с себе подобными самостоятельными джамаатами составляли федерацию («бо» – аварск. «хуреба» – дарг. и т.д.). В некоторых из федераций выделялись центры, как, например, Анди (Андийская федерация) или Чиркей (Салатавская федерация). Койсубулинская федерация имела два соперничавших за лидерство центра – Гимры и Унцукуль. Антль-Ратлинское *вольное общество* состоял из семи обществ – джамаатов, откуда его название Антль-Ратль, что на аварском значит – семиземелье. Отличительной чертой данного союза было то, что здесь первичные образования – *общества* состояли из мелких и пространственно стоявших далеко друг от друга рассредоточенных поселений. Джамааты объединялись в союзы сельских общин или вольных обществ, которых в Дагестане было более 60. Каждое из вольных обществ представляло политически суверенное образование, одновременно этнокультурный регион с отдельным диалектом и члены каждого из них признавали себя единым народом («бо») (Агларов М., 1988. С. 188). Так, несмотря на федеративную взаимосвязанность джамаатов, отдельные политики, находясь вне федераций или их союзов, «имела этнокультурную идентичность с отдельным языком» (Агларов М., 1988. С. 188).

«Вольные общества» часто объединялись в более обширные конфедеративные «союзы». Большинство из них были сформированы искусственно для специфической цели. Другие имели более перманентную природу. Из них наиболее устроенным и организованным был суперсоюз Акуша, известный как Дарго, который был в центре коалиции, которая нанесла поражение Надир-шаху в 1744 г. «Общества», входившие в подобные коалиции, были суверенны и их участие в союзах было добровольным. Около двух третей этих «обществ» были «свободны» (вольные общества), главным образом в Восточном Дагестане. Другие, управляемые благородными фамилиями возглавлялись правителями с различными титулами: шамхалы Тарковские; ханы Казикумухские, Аварские, Мехтулинские и Дербентские; майсумы Табасаранские; уцмии Кайтагские; и султан Илисуйский.

И хотя они отличались от свободных республик, эти общества имели много общего с первыми.

Похоже, все вышеперечисленные элементы в принципе можно найти в дагестанских и чеченских обществах накануне российского завоевания¹.

1. *Солидарность*. Джамааты в отличие от крупных политических структур оказались очень сильной, мощной общинной организацией и первичной (основной) базой идентификации их членов. В течение двух последних столетий они успешно сопротивлялись и отразили неоднократные попытки искоренить их централизованным, авторитарным и тоталитарным режимами, сменяющими друг друга. Накшбандийские *имамы* (лидеры), которые вели национально-освободительную борьбу против России между 1829–1859 гг. и построили государство, основанное на шариате (исламский религиозный закон), шли на компромиссы с джамаатами для того, чтобы удержать их в рамках своего государства (*Gammer Moshe*, 1994. P. 244–247).

Русские (царские) власти вопреки своей идеологии были склонны и имели практику учитывать волю различных джамаатов. Советское правительство официально отменило джамааты в 1930 г., и попыталось уничтожить их путем реорганизации сёл в колхозы. Многие джамааты тем не менее оказались устойчивыми (гибкими) и дожили до наших дней (*Бобровников В.О.*, 1995. С. 47–62). Джамаатская солидарность также пережила и миграцию горцев на низменность (вынужденную и добровольную) и урбанизацию. В сельской местности на низменности поселенцы сохранили тесную связь со своими горными общинами. На самом деле они образовали часть своих первоначальных джамаатов. В городах, в основном в Махачкале, социальная, экономическая и политическая деятельность большей части некоренного населения организована согласно месту их происхождения.

После распада СССР джамааты пережили возрождение, по крайней мере согласно одному дагестанскому социологу, джамааты, не более чем этнические группы или официально признанные «национальности»² – формируют базовую единицу политической приверженности (*Kisriev Enver*). На самом деле один из последних конфликтов между властями и так называемыми ваххабитами, кажется, крутился вокруг одного из особых джамаатов – карамахинского (*Zelkina Anna*, 2000).

2. *Равенство*. В принципе, каждый член джамаата – а членство, не будем забывать, ограничивалось теми мужчинами, которые способны носить оружие – имел равное право на свое слово в общих делах общины. Самым сильным проявлением этого являлось то, что все принимали участие на общих собраниях (руккель – аварск.) общины, которые собирались от случая к случаю, чтобы обсудить и решить дела экстраординарной важности, как например, вынесение нового закона или объявление войны и т.д. В принципе, каждый член общины мог высказать свое мнение. На практике, однако, старшие люди имели приоритет, и такие собрания обычно предлагалось провести для того, чтобы одобрить решения, принятые заранее советом старейшин (*Агларов М.*, 1988. С. 193).

Такое равенство не в меньшей, чем в вольных обществах степени существовало и в ханствах. Правда, ханства были стратифицированы на *беков*

¹ Разница между принципом и практикой принципа характерна для любого общества. Так, например, в Америке, принцип равенства всех граждан ограничивается условием, что американский президент должен быть коренным американцем.

² Дагестан населен более чем 30 национальностями и этническими группами, которые объединены в 10 официально признанных национальностей.

(члены благородного класса), *джанка* – потомство благородных и простых узденей (члены общин). Однако в то время, когда беки и джанка пользовались общественными и экономическими привилегиями, политически они были равны узденям. Как пример силы этого положения свидетельствует тот факт, что Шамиль, третий и самый сильный Накшбандийский имам (1834–1859), добивался, чтобы общинников судили и обращались с ними наравне с должностными лицами его государства.

Равенство, даже если это не декларируется открыто, содержит в себе признание личности как свободного и независимого существа. И на самом деле, в обществе, где и сегодня сильна верность семье и послушание ее главе, дагестанец, как и любой кавказец, продемонстрирует независимость от посторонней воли. Фраза «Я свободный и независимый человек» в этом вопросе основная. Но когда касаются факта послушания отцу и старшим братьям, обычный ответ таков: «да, но это мой собственный выбор».

3. *Верховенство закона.* До окончательного завоевания Россией, дополняя друг друга, (но не вытесняя) в Дагестане господствовали две правовые системы – *адат* (обычное право) и *шариат*. Обе системы охватывали все стороны жизни, которые касались всех членов их общины или каждого члена в отдельности. Действительно, каждая община делала усилие, чтобы закрепить их адаты в большинстве случаев в письменном виде – и неукоснительно соблюдая их. Правонарушения разбирались перед *диваном* (от арабского *диван*), состоявшим из представителей руководства, совета старейшин и *кади* (судья по шариату). В диван включались и другие лица от общины с репутацией честных и беспристрастных людей.

Накшбандийские имамы укрепляли этот принцип. Имамы, в особенности Шамиль, всячески старались продемонстрировать превосходство *шариата* и равенство всех перед ним. В какой степени этот принцип сохранялся в течение 70 лет советской власти «где, кажется, присутствовали три системы права – советские законы, вымогательство местных властей и старое обычное право», вопрос остается открытым (*Chenciner Robert*, 1997. P. 237).

4. *Ограничение власти правителей:* адат и шариат ограничивали власть правителей, главное и выдающееся ограничение было в наличии субъекта права. Адаты различных общин ограничивали права правителей. Они не могли принимать решения единолично по важным вопросам без одобрения собрания общины или совета старейшин, известных также как *джамаат*. В случае, когда правитель принимал не соответствующие воле общины решения, то община могла не подчиниться и дискредитировать его авторитет и даже сместить его с должности.

Другой формой ограничения власти руководителя были выборы на определенный срок должностных лиц с отдельными властными полномочиями. Отдельно от *чухIби* (правители) были *диванч* (члены *дивана*), *кади* (судья, который разбирал дела по шариату) и *цевехъан* – военный предводитель.

Наиболее эффективная форма ограничения власти правителя была в Акуша (село). Здесь были 4 *шила-холоте* (буквально: «сельские судьи»), которые были под контролем 4-х *джамаатла-холоте* (буквально: «народные судьи»), которые регулярно обнародовали плохое исполнение сельскими судьями своих обязанностей и имели право смещать их с должностей.

Властные права глав «обществ» и крупных конфедераций были еще более ограничены. Каждое деление могло односторонне составить оппозицию

джамаату и быть не верным ему. Это касалось также правителей различных ханств. И, на самом деле представляется, что ханства были федерациями *джамаатов* и «обществ» подобными «вольным обществам» и их «союзам». Самая большая разница, на мой взгляд, была в том, что политические образования типа ханств *de jure* возглавлялись наследственными правителями. Однако правители некоторых «вольных обществ» и их союзов имели «тенденции к наследственному правлению» (Агларов М., 1988. С. 187). Более того, несмотря на определенные привилегии, правители были первыми среди равных, что они и демонстрировали в обращении со всеми членами их общин и тем, что они были доступны каждому из них. Это также относится к правителям крупных политических образований, в том числе типа ханств.

Как уже говорилось, *шариат* провозглашает верховенство закона – *шариат*. Тем более что от правителей требовалось осуществлять руководство только по согласованию с советом и соответствующих консультаций (*шура*). Это было особенно важно, т.к. эта ветвь Накшбанди, которая возглавляла сопротивление России, и в которой утверждалось, что исламского вождя слушаться обязательно, *только если он соблюдает шариат*. Так, накшбандийца, похоже, усилила принципы в своем имамате. Практика согласования решений правителя с *советом* или *общим собранием*, находясь только в «начальном» состоянии, демонстрировала хотя неоткрыто принцип, что власть принадлежит народу.

5. *Выборный правитель*. Практически все джамааты в той или иной форме выбирали своих лидеров. Электоратом являлся либо *руккель*, либо чаще всего *джамаат* (Совет старейшин) – реальный правящий орган общины. Членами Совета могли быть мужчины не моложе сорока лет и с жизненным опытом. Количество мест для членов *джамаата* распределялось по числу делений, которое равнялось количеству *тухумов* (кланов) и их подразделений в общине. Авторитет *джамаата* базировался на уважении его членов среди своих групп. Все: *кадий*, *цехехан*, *чухби* и *диванчи* были выборными лицами, последние два – из членов Совета. Существовало большое разнообразие как в численности избираемых, так и в сроках их полномочий. Чох и Башлы имели 6 руководителей, Кубачи и Уркарах по 12; Джар – 30 и Ахты – 40 аксакалов. В большинстве случаев число правителей равнялось числу *тухумов*, как в Чиркее (Чиркей), или числу *кварталов*, как в Чохе. В большинстве обществ руководители избирались на ограниченное время, как правило, на один год. Так было в Чиркее, в главном селении «вольного общества» Салатавия. Во всех других обществах Салатавии они оставались у власти до тех пор, пока народ не отзывал их назад. В отдельных общинах прилагались усилия, чтобы сосредоточить власть в руках одной и той же фамилии. В Келебских адатах, например, четко запрещается: «Отец и сын или двое братьев в одно и то же время не могут находиться у власти» (Агларов М., 1988. С. 179). И наоборот, в Гергебиле правителей выбирали из одного и того же *тухума Гумарчилал*.

Правителей в ханствах (княжествах) не избирали, но они нуждались в поддержке народа при вступлении во власть. Правитель, не получивший такое одобрение, имел репутацию «узурпатора» и вовсе не обладал авторитетом.

Таким образом, правитель должен был следовать правилам и культивировать преданность своих поданных к себе, а также к своему намеченному наследнику. Прекрасным примером служит каракайтагский обычай. Первый сын *уцмия* кормился первый год своей жизни у всех кормящих матерей Кайтагского

уцмийства (*Baddeley John F.*, 1940. P. 515). Вследствие чего все мальчики его возраста становятся его молочными братьями и их преданность ему в будущем была обеспечена.

Конечно, существование «демократических элементов» и принципов в дагестанских и других кавказских обществах до российского завоевания не означает, что они были «демократическими», по крайней мере согласно стандартам XX-го века. Их существование в прошлом, однако, может помочь в обеспечении демократии в Дагестане. Осуществима ли эта перспектива или нет, зависит от ответа на три вопроса.

Первый: как много и какие из этих элементов дошли до наших дней через 150 лет успешной централизации, автократии и тоталитарного управления?

Второй: могут ли эти традиции, что сохранились, быть отличительным знаком для всего Дагестана, а не только для отдельных джамаатов?

Последний: хотят ли власти – республиканские так и федеральные – принять «демократию»?

И если ответы на первые два вопроса не совсем очевидны, то мнение одной дагестанской журналистки, если оно правильное, служит очень пессимистичным ответом на третий. «Дагестан: готов пожертвовать демократией ради стабильности» (*Abdullaeva Zaira*, 2001).

БИБЛИОГРАФИЯ

Агларов М., 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в., М.: Наука.

Бобровников В.О., 1995. Эволюция социальных и поземельных традиций Хуштадинского джамаата в XIX–XX веках // *Тамара Сиверцева, Михаил Роцин и Владимир Бобровников*. Дагестан: село Хуштада. М.

Османов Л., 1997. Непокоренная Чечня. М.

Abdullaeva Zaira, 2001. Dagestan: Willing to Sacrifice Democracy for Stability // *Russian Regional Report*. Vol. 6. No. 12 (2 April 2001).

Baddeley John F., 1940. *The Rugged Flanks of the Caucasus* (London), Vol. 2.

Chenciner Robert, 1997. *Daghestan. Tradition and Survival* (London and New York).

Gammer Moshe, 1994. *Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan*. London.

Kisriev Enver. "Societal Conflict-Generating Factors in Daghestan", in: *Moshe Gammer* (ed.). *The Caspian Region* (tentative title; London, Forthcoming).

Zelkina Anna, 2000. *The 'Wahhabis' of the Northern Caucasus vis-à-vis State and Society: The Case of Daghestan // Quest for God and Freedom. Sufi Responses to the Russian Advance in the Northern Caucasus*. London.